

Ментальные карты как инструмент определения моральных и физических границ сообщества

Упрощенное представление о том, что сообщество это совокупность проживающих поблизости людей в пределах одной территории не выдерживает критики. В действительности многие случаи такого со-проживания не подкрепляются неким «чувством единства». Чувство единства может иметь различные основания, о которых идет спор давно. То речь идет о том, чтобы каждый член сообщества идентифицировал себя с ним, то подразумевается некая солидарность, проявления которой отыскиваются в возможности коллективного действия, то идет поиск публичности, способности к коммуникации и так далее. Во всех случаях (идентификация, солидарность, публичность) претензия на обоснованность того самого заветного чувства единства может быть поставлена по сомнению.

Что считать сообществом? Людей, которые отнесли себя к нему? Не слишком ли это надуманно? Отнесли и подумаешь! Нет, они хотя бы раз в год (желательно на день города) должны собраться и закатить праздник! Все вместе! И если не дай Бог, вы как исследователь пропустите этот «праздник», то вам так и не посчастливиться увидеть сообщество, которое в обычное время дремлет, не демонстрируя никаких признаков жизни. Тогда нет, члены сообщества на протяжении всего его существования должны обладать особой коммуникативной способностью, выносить на всеобщую площадку обсуждения проблемы и эффективно их решать, вопреки нападкам со стороны структуры и власти. Но что это за площадки для обсуждения? Кто к ним имеет доступ? Можно ли считать их общедоступными и эффективными? Кто их знает! А сообщество тем временем чахнет. Или разбивается на множество сообществ. Или его попросту нет.

Вернемся к первому утверждению, от которого мы так поспешно отвернулись, и попробуем к нему приглядеться. В нем содержатся два компонента: люди и территория (сюда же «проживающие поблизости»). Несмотря на схематичность, есть повод задуматься над тем, а что если сообщество это и есть какие-то особые люди и какая-то особая территория. Тогда задачей становится уточнить какие же.

Проблема может скрываться в специфике города как формы совместного проживания. Отталкиваясь от Вирта, можно отметить, что с какой стати мы требуем от людей идентификации себя с сообществом, если город характеризуется «единством непохожих». Именно что непохожих! Городскому образу жизни зачастую сопутствует

чувство одиночества и анонимности, как тогда это располагает к коллективным действиям и публичной коммуникации? [1] Выходит так, что сам город спецификой своей природы душист сообщество, уничтожая его или, в лучшем случае, дробя на более мелкие и несвязные подгруппы?

Возможно, выходом из ситуации в таком случае станет не попытка уточнить, какие же все-таки это люди, которые формируют сообщество, а стремление рассмотреть сообщество, как некое соотношение людей и территории. Такую идею мы можем отыскать у Парка [2], ее развитие встречается у Глазычева [3]. Так, последний, в первую очередь, рассматривал город как городскую среду, состоящую из всё тех же двух компонентов: пространственно-объектного окружения (“environment”) и поведения людей (“milieu”). Тем не менее, среда не просто включала в себя две составляющие, но являлась их соотношением.

Но как представить себе, что такое соотношение людей и территории? На этом этапе предлагается обратиться к Филиппову и его размышлениям по поводу социальности пространства. [4] Не фокусируясь на противопоставлении физического и социального пространства, Филиппов определяет социальное пространство как «характеристики любого пространства, поскольку его составляющие (границы, объекты) имеют социальное происхождение». Таким образом, социальное в описании пространства возникает в силу выделения некоего принципа (одного или нескольких из бесчисленного множества вариантов), руководствуясь которым люди затем определяют и выделяют части физического пространства. Принцип как основание для деления (у Зиммеля есть обобщающее словосочетание для всевозможных таких процедур с пространством - «душевный процесс») и результат деления имеют социальную природу, несводимую ни к миру физического, ни к миру психического. Они есть продукт взаимного пересечения индивидуальных усилий.

Если так, то теперь нам необходимо сосредоточиться на поиске принципов соотношения себя жителей города со своим пространственным окружением и результатов этого процесса. Чтобы продвинуться дальше мы прибегнем к различению «пространства» и «места», введенного Кейси [5]. Место в отличие от абстрактного пространства связано с человеческим опытом, то есть само по себе является продуктом социального. Принцип выделения места «базируется на микропрактиках географического субъекта в этом месте» [6]. Таким образом, практика выступает тем проявлением соотношения людей и территории. Нечто подобное мы найдем у Гидденса в его теории структуриации и у Филиппова, который настаивал на «практической схеме, укорененной в опыте тела».

Кевин Линч, изучая ментальную репрезентацию (образ города) городской среды жителей, предложил пять элементов, по которым возможно тотальное ее разложение: путь, ориентир, граница, узел, район [7]. Несмотря на значимость этой работы, одним из аспектов ее критики являлась как раз пятичленная схема. В нашем случае хочется заметить, что упомянутые элементы образа соответствуют в большей мере архитектурно-планировочному восприятию городской среды, чем антропологическому (это различие мы позаимствовали у де Серто [8]). Выделяя такие элементы, мы в большей степени осветим вопросы структуры и связности объектов пространственного окружения, чем их смысловую компоненту (несмотря на то, что у Линча в его теоретических построениях есть концепт «воображаемости», который включал в себя свойства «опознаваемости», «структуры» и «значения», последний из них в наименьшей степени был прояснен). Поэтому придерживаться его элементов образа города было бы неправильно для исследования, которое ставит свою задачу обнаружить и «простроить» сообщество, хотя методику Линча стоит взять на вооружение.

Вместо путей, ориентиров, границ, узлов и районов предлагается вести поиск мест, определяемых как территория отношений, подразумевающих историю и идентификацию с собой [9]. Не вдаваясь в подробности различения «мест», «не-мест», «пространства», перейдем к вопросу связи между местами в городе и сообществом. Город в таком случае будет рассматриваться как «мир мест», который разделяется сообществом. То есть, он является неким общепринятым универсумом, имеющим пересекающееся смысловое содержания для своих жителей. Тогда соотнесение себя с «миром мест», воспроизведение его в своих действиях будет, возможно, основанием для определения границ сообщества как моральных, так и физических.

Опираясь на вышеизложенные размышления, выдвинем предложение считать места связанными в случае, если в них протекают схожие практики. Факт содержания в себе одной и той же практики в разных местах, «роднит» их [места] по причине применения одной и той же практической схемы, которая выделила их, тем самым, локализовав в пространстве города. Используя такой подход, мы сможем выделить места в городе, содержание практик их использования и степень их воображаемости на ментальных картах жителей.

Подводя итог, отметим, что поиск сообщества должен быть сопряжен с определением его «мира мест», воспроизводимым и поддерживаемым в практиках на местах. Ответ на простой вопрос: «Что и где люди делают?» - может послужить отправной точкой для ответа на вопрос: «Почему люди ... [что-то] в своем городе *не* делают, а делают в других местах или не делают вовсе?» Советом для формирования

территориально привязанного сообщества становится направленность на естественное или искусственное формирование мест в городе, которые впоследствии бы стали местами и результатом практик. Успешная реализация этой политики, усвоение ее жителями делает их действительно связными членами сообщества, которые обладают чувством единения в силу соотнесения себя с обще разделяемым миром мест, их собственным миром.

Список литературы

1. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни.
2. Park R.E. The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment.
3. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды.
4. Филиппов А.Ф. Социология пространства. С. 262
5. Casey E.S. Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World?
6. Степанцов П., Безруков В. Проблема Места и Я (Self) в социальной географии и философии.
7. Линч К. Образ города.
8. Де Серто М. По городу пешком.
9. Auge M. From Places to Non-Places.
10. Omer I., Jiang B. Imageability and Topological Eccentricity of Urban Streets.